

О.М. ИСАЧЕНКО

(Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия)

УДК 821.161.1.9(Слаповский А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

КРЕАТИВНАЯ ПРАКТИКА ИЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ (ПО РОМАНУ А. СЛАПОВСКОГО «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА»)

Аннотация: Исследуются языковые особенности романа, в частности, авторские приемы трансформации идиом: метаязыковой комментарий, замена устойчиво воспроизводимых компонентов, контаминация идиом, актуализация внутренней формы идиомы.

Ключевые слова: языковой эксперимент, приемы трансформации идиом, языковая игра.

*«Я и сама задней памятью потрясаюсь
богатству русского языка, который мы
так бездарно утратили...»*

(из письма Дины Лавровой).

Роман «Победительница» (2009) А. Слаповского оригинален по идее и жанровой структуре (это роман в письмах, написанных женщиной из далекого будущего своему нерожденному сыну¹). Можно спорить о том, что это: утопия или антиутопия.² Но совершенно очевидна филологическая природа романа. Не случайно, критики называют его «лингвофутурологическим» (Ю. Щербина).

«Эпистолярная» стилистика полностью подчинена «утопической» концепции автора. Речь главной героини, Дины Лавровой, представляет собой «гремучую смесь» разговорных, сленговых и книжных выражений³,

¹ Так называется журнальная публикация: «100 лет спустя. Письма нерожденному сыну» («Волга», 2009, № 1, 2).

² По нашим представлениям, это все-таки **антиутопия**, так все «дальние» прогнозы автора в большинстве своем пессимистичны, а моделированное общественное устройство далеко не идеально (ср.: «утопия» (др.-греч. *τοπος* ‘место’, *ου-τοπος* ‘не место’, ‘место, которого нет’) – жанр художественной литературы, близкий к научной фантастике, описывающий модель идеального общества).

³ Например: *Чижиинцев вытил целый стакан крепкой спиртной жидкости белого цвета... близкое слову «вода»...; Вы идете по улице и находите, например, 10 дайлеров, принадлежность которых невозможно определить...; Он сердился на окружающее, но сердился весело, каждый вечер нейтрализуя ситуацию алкоголем.*

Ю. Щербина называет это явление в романе «тотальным смешением стилей».

исконных и заимствованных единиц. Фактически это «интерсуржик» с элементами языков широкой географии: китайского, японского, шведского, английского, итальянского, французского, арабского, тайландского, украинского и др. И если «космополитические» тенденции объяснимы процессами глобализации, то деформация родного языка⁴, приводящая к кризису речевой способности, ничем не оправдана.

С одной стороны, футурологическое пространство романа обусловливает восприятие языкового эксперимента как утопического прогноза (а если реального, то крайне неутешительного). С другой стороны, некоторые деформации не кажутся выдумкой, они коррелируют с современным «речевым эфиром», как будто взятые автором из реальности и доведены до абсурда (не случайно, в аннотации к роману сказано, что он написан, «как всегда, на грани безудержной фантазии и абсолютно узнаваемой реальности»).

Наиболее ощутимый (и в смысле доступности восприятия и наглядности результатов, и в смысле особой национально-специфической ценности) ущерб русской языковой самобытности наносит разрушение самого консервативного языкового пласта – лексико-фразеологической подсистемы, идиоматики. В авторской концепции, судя по большому количеству «экспериментальных» единиц (92 идиом различной природы⁵), это – самое слабое «звено» в структуре языка, его «зона риска», легко подверженная деформации и распаду.

Эксперименты А. Слаповского с русской идиоматикой проводятся с использованием стандартных приемов **языковой игры**, «конструктивными принципами, продуцирующими определенный эффект ассоциативной координации или ассоциативного контраста» [Гридина 1996: 16]).

⁴ Трансформации подвержены все уровни грамматики языка (словообразование, морфология, синтаксис): *толпилице* и *шумилице*; *тенъи* ‘теневые деньги’; *Но он, инджойствуясь* нашей близостью, только улыбался; *Стоит лишь взглянуться в сталь этих глаз, в склад этих губ, в морщ этого лба...*; *Ты должна будешь ревизовать состояние сельских детей; Отца у Владимира не имелось*; ...он оказался с полной отдачей *целуемым* мной; ...благодарна своему сну, который меня *отдохнул*...; *что-то в душе моей трепетнуло... Срезонировало*; – Ну и что? – *блефанула я*. – *Работой я и так обеспечена...*

⁵ В их состав мы включили устойчиво воспроизводимые единицы, которые объединяем термином «идиомы»: **пословицы** и **поговорки** (эти «краткие народные изречения» рассматриваются как разряд фразеологизмов в [Баранов, Добровольский 2010]), собственно **фразеологизмы**, устойчивые **сочетания** (в том числе на основе фразеологически связанных лексических значений).

Перечислим набор авторских приемов, использование которых приводит к трансформации русских идиом.

1. **Метаязыковой комментарий** (например, стилизованная словарная дефиниция) на месте одного из компонентов идиомы: *Исчезновение этих систем так **выбило** многих людей из... как это... **след, оставляемый движущимся колесным средством**..., в общем, они растерялись... (выбить из колеи); на нет и юридической оценки нет (на нет и суда нет); У меня **не сносило покрытие дома**... (сносит крышу); Взял себя в руки и **вернул** передачу в нормальное (земное) **продолговатое ложе, где течет река** (**вернуться**⁶ в нормальное русло).*

2. **Замена** одного из устойчиво воспроизводимых компонентов другим с опорой на разноуровневые внутрисистемные отношения (чаще всего парадигматические). Изменение компонентного состава производится на основе:

а) контекстуальной или узуальной **синонимии**: *тороплюсь **наломать поленьев**⁷ (наломать **дров**); ...простая попытка найти контакт с девушкой принимается **в жесткий отбив** (принимать **в штыки**); Я решила **не рушить** себе голову этой загадкой... (**ломать** голову); **поллированный** журнал (**глянцевый**); **моментальная** медицинская помощь (**скорая** помощь); ...в среде конкурсанток **королествовал** некоторый **ажитаж**... (**ажитаж царил**, ср.: король – царь); **терпение исхудало** (терпение **лопнуло / кончилось**); название [города] **выплеснулось** из моей памяти (**стереться из памяти**⁸); **умело вник** в нашу семью (**втерся в доверие**); **жить удвоенной** жизнью (жить **полной** жизнью ‘интересно, разнообразно’, контекстуальные синонимы: **удвоенный** 2. Усиленный, сильно увеличенный’, **полный** ‘3. Целиком проникнутый, охваченный, заполненный чем-л.’); **поспать ты очень***

⁶ Замена возвратной формы *вернуться* невозвратной является грамматической трансформацией, которая, возможно, направлена на усиление «волютивного» значения предиката.

⁷ Помимо внешней трансформации, происходит, изменение прагматической характеристики фразеологизма, который ориентирован на оценку поступков 3-го лица (*наломать дров* – это оценочный комментарий чужих действий). Здесь идиома является маркером самооценки и может квалифицироваться как «иллюкутивное самоубийство» – «саморазоблачительная» тактика говорящего в отношении собственных, предсказуемо негативных действий.

⁸ Глагол *выплеснуться* сохраняет сему ‘исчезнуть’ (ср. *стереться*), но лексическая замена актуализирует иную образную основу идиомы – «водную». Память, в такой интерпретации, ассоциируется с жидкостью, налитой в сосуд. При этом объем «оперативной памяти» зависит от количества жидкости.

*не прочь (не дурак поспать); Если еще будешь так хамить, получишь по лицу... (получить по морде)*⁹;

б) **антонимии (или конверсии)**: с любимыми женщинами... *не покупными (продажные женщины, ср.: купить – продать); Я была, мягко говоря, ошеломлена, а твердо говоря, почти убита* (в узусе антонимические пары «учитывают» ЛСВ: *мягко – твердо; мягко говоря – грубо говоря*);

в) **гиперонимии или гипонимии**¹⁰: *ходить на своем (стоять на своем); ...повлекла Башмакова на пол нежным движением, он опустился, не веря всем своим органам чувств... (ср.: не верить свои глазам / ушам); объяснила проблему на руках (объяснять на пальцах); кажется, я злословлю, старая солонка (старая перечница); Естественно, монголы, евреи и украинцы обожали его, считая своим, а русским было по тамтаму... (кому-л. было по барабану); нынешние мои современники грызут свои зубы от досады... (кусать губы, ср.: кусать – грызть, губы – зубы); ...я всегда отдавала себе доклад в своих действиях (отдавать себе отчет)*;

г) **деривационных связей** (в том числе этимологических): *Владимир сразу пошел на пяточное направление (пойти на попятную); завидуемая невеста (завидная); упорядоченный человек (порядочный)*¹¹; *красота смертельно сразила (сразила на смерть); я понимала остававшимся умом (остатками разума); уклонисто сказать (уклончиво); смотреть пытающе (испытывающе); неприязнь, пограничную почти с ненавистью... (граничащую с...); нервные кончики (нервные окончания), приходящая комната (приходящая)*¹²;

д) **грамматической корреляции** (как правило, не предусмотренной традиционной формой идиомы): **падежных форм** (*Мама поста-*

⁹ Обратим внимание, синонимическая замена может обуславливать «погашение» экспрессивности исходной идиомы по принципу эвфемизации, как это происходит в двух последних случаях.

¹⁰ Такой тип ассоциативного мышления (парадигматического наложения видовых категорий) очень характерен для главной героини. Например, этот принцип часто реализуется в процессе припоминания: *...курсы вел довольно пожилой преподаватель, то ли Палкин, то ли Жердев, то ли еще что-то в этом роде, что ему очень шло, потому что он был похож на палку или жердь – сухой и длинный.*

¹¹ Здесь и в др. случаях возникает эффект «паронимической аттракции».

¹² К этой группе мы относим также случаи замены мотивирующего слова семантически близким (по типу (в)): *меня стало овихревать предчувствие победы (обурекает предчувствие, буря – вихрь); узнаваемым улыбчивым голосом (знакомым насмешливым тоном).*

вила вопрос на ребро (поставить вопрос *ребром*)¹³; видовой пары (...нелепый эпизод, который не стоит, чтобы *взять его в голову* (*брать в голову*); ...кто-то из приезжих *клат на меня глаз* (*положить глаз на кого-л.*); я не могла *собой овладеть*, слишком сильным был психофизический порыв [о любовной страсти] (*владеть собой*); *форм негации* (*Не спешишь – людей не смешишь*).¹⁴

3. **Контаминация** подобных идиоматических структур¹⁵: *Я и сама задней памятью потрясаюсь богатству русского языка* (по старой памяти и задним числом); *еще существовало различие между верхней и нижней одеждой* (верхняя одежда и нижнее белье); *она поняла меня насквозь* (понять и видеть насквозь ‘хорошо понимать, представлять что-л.’); *Тише будешь – дальше уедешь* (Тише едешь, дальше будешь)¹⁶; в этом месте у меня *выпадение памяти*, провал, будто я была без сознания... (*провалы в памяти* и *выпадение волос* – общая сема ‘исчезновение’); *меня начинало грызть беспокойство* (одолевает *беспокойство* – *угрызения совести*); ...большие люди, города, раньше *точившие на меня свои помыслы*... (*точить* зубы на *кого-л.* – *устремлять все свои помыслы на что-л.*); *есть смысл рвать нервные кончики* (*нервные окончания* – *рвать* душу); ...*небрежность может пустить в прах всё великолепие* (*пустить под откос* – *превратить / обратить в прах*); *я тонула в слезах несколько дней подряд* (*утопать в крови* – *весь в слезах*); ...*Маша так и впиваялась в меня взглядом* (окказ. *впиваться* в результате наложения сочетаний: *впиться взглядом* и *присосаться как пиявка*).

¹³ *Ребром* (беспредложный Тв. п.) – *на ребро* (Вин. п. с предлогом) – не представляют собой грамматических вариантов: значение «медиатива» (способа действия) не допускает мены на «директив» (конечная точка или ориентир направленного движения) [Золотова: 233, 189]. Но такая замена создает условия для возвращения фразеологизма к прототипической структуре (ср.: *поставить что на что*) и актуализации именной метафоры (у *вопроса* появляется *ребро*).

¹⁴ Бессюзная конструкция *Поспешишь – людей насмешишь* трансформируется с помощью симметричного введения отрицания, при котором причинно-следственная обусловленность между частями высказывания сохраняется.

¹⁵ Возможна и контаминация значений. Так, в предложении: *На что способен человек, прижатый к стене* – воспроизводится оборот *припереть / прижать к стенке кого-л.* ‘уличить, разоблачить’ (ср.: *прижать кого-л.* ‘3. разг. Ограничить в чем-л., поставить в затруднительное положение’), который, судя по контексту, нужно понимать как *загнанный в угол*.

¹⁶ Практически механическая перестановка является причиной существенного изменения в «сценарии» безопасного движения, правда, при сохранении главного смысла – его «большой результативности». Подобные механизмы задействованы при моделировании «антипословиц» [Вальтер, Мокиенко 2005], например, *Слово не воробей, поймают – вылетит*.

Менее очевидна контаминация при лексической замене одного из элементов традиционной структуры на основе поверхностных (как в п. 2) и / или глубинных семантических связей: *Если он надеется, что теперь я поддамся на его влюбленность, – то **обнаженный номер!*** (с одной стороны, синонимичные выражения: *дохлый / пустой номер* 'О чём-л. совершенно безнадежном, не имеющем шансов на успех, удачу', *номер не пройдет* 'Ничего не получится, не выйдет', с другой – ассоциативная связь значений прилагательных: *пустой* '7. Беспольный, бесплодный' и *обнаженный* '4. Явный, открытый').

Неочевидность действия контаминации в этом и подобных случаях заключается в невозможности восстановить точный узуальный прототип. Ср.: *задеть его **нравственную жилу*** (*тронуть / задеть* *большую, деликатную струну* *кого* 'коснуться вопроса, особенно трогającego, болезненно задевающего душу, самолюбие кого-л.'¹⁷); *то, как ты себя ведешь, **превышает всякие планки*** (*переходит все границы, **превышает** пределы возможного*, при этом *граница* 'допустимая норма, предел', *планка* '2. ...перекладина ... между двумя стойками (при прыжках в высоту, прыжках с шестом)'). Возможно, эти лингвистические эксперименты призваны провоцировать читателя (его языковую интуицию) на поиск несуществующей «разгадки».

4. **Актуализация внутренней формы** идиомы, при которой восстанавливается (или приписывается) буквальное значение выражения и рождается иронический эффект. В отличие от предыдущих механизмов, такое «оживление» традиционных структур – проявление креативного потенциала языковой личности. «Этимологические» рассуждения имеют форму «рефлексивов»: *папа украдкой шепнул, что будет **болеть за меня**. Я тогда не знала, что его слова окажутся буквальными* (*болеть за кого-то* употреблено в отношении пьющего человека, который ищет любой повод выпить, в этом случае *болеть* – это не фигура речи, а медицинский диагноз); *Но спрос на его картины был, поэтому он начал прикалываться, он рисовал их **левой ногой**, <...> это не буквально, это метафора – то есть в то время была метафора, а в тридцатые годы самые модные картины были именно у ножных художников* (*левой ногой* 'крайне небрежно, кое-как'). Буквальное восприятие выражения *бросить кого-л.* приводят к лингвистическим выводам о его «неполиткорректности»: *В начале века мы спокойно говорили: «Она его **бросила**», «Он ее **бросил**», вкладывая в это **образ-***

¹⁷ Ср.: *жилка* '5. Способность, природная склонность к чему-л.' = *струна* '5. Особенности, сторона человеческой природы, свойство характера', *струны сердца, души*, спец. *жилльные струны*.

ное значение, а не прямое – никто никого наземь не бросал. Но потом и это значение стало казаться неприличным: никто никого не имеет права бросить *ни в прямом, ни в переносном смысле*. Следовало выражаться: <> «Я освободила его», «Я освободил ее».

В результате анализа внутренней формы (своеобразной «редеривации») происходит переосмысление или новое осмысление структуры слов (простых и сложных) и фразеологизмов: *общество только плескало бы руками, одобряя (рукоплескало); я сразу же поняла, насколько сложнодушина эта девица... (простодушина); Это стало навязчивой идеей Павлика – что я из-под тайного тишка пытаюсь его соблазнить; секретарь коммунистического сомола (комсомола)*. Не являются случайными, мотивированными только звуковым сходством, замены корневых морфем: светская *тасовка* (*тусовка*), *ее покровители* (*покровители*)¹⁸.

В результате использования названных приемов, которые по существу представляют собой разновидности «ассоциативного наложения» и «ассоциативной интеграции» ([Гридина 1996]), возникает эффект «тотального» нарушения лексико-фразеологической «матрицы» русского языка по типу катахрезы¹⁹: *о скандале, о кипевших вокруг интригах* (вм. *о кипевших страстях*); *... в памяти людей забрезжила старая национальная идея о справедливой жизни... (в памяти воскресла)*; *В тебе просто говорят пережитки (предрассудки)*; *голос замерз в моем горле (слова застыли), руку сковал паралич воли (сковал страх)*; *мельчайшая небрежность (малейшая)*; *В России ... одна из самых давних и закоренелых традиций [о привычке пить] (укоренившиеся традиции)*; *вокруг меня витали мужчины (кружили, крутились мужчины)*; *У девушек, получающих награды, двойственный вид: с одной стороны, рады быть отмеченными, с другой – огорчены... (двойственное положение, но растерянный вид)*. Во многих случаях катахрезы имеет синтаксическую основу – появляется в результате неоправданного эллипсиса или «стихийного» нарушения порядка слова: *Ее имя сопрягли то с одним, то с другим известным человеком...*

¹⁸ Об интуитивно верно схваченной сущности привычных слов Ю. Щербинина пишет: «...иногда в возникающих искажениях нет-нет да вспыхивают подлинные значения, ранее прикрытые приличием форм».

¹⁹ Эта стилистическая черта в целом характерна для творчества А. Слаповского, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из других его произведений, например: *И сижу на постели, тупо шмыгая глазами по окружающему...* (ср.: *шмыгать носом, стрелять глазами*); *Регулярно помогаю медсестрам ухаживать за ними, действительно слежу, правильно ли выписывают лекарства* (ср.: *настоятельно рекомендовать – тщательно следить*) (А. Слаповский. Закодированный).

(склонять кого-л. 'делать предметом разговоров, пересудов', ср.: *ее имя постоянно склоняли, приписывая связь то с одним, то с другим... человеком*); *улучив меня в углу, он сказал...* (улучить минутку и зажать в углу); *Подожел ко мне напрямую и поинтересовался (напрямую сказать / спросить / обратиться)*; *Он <...> когда побывал на грани смерти*²⁰, *то оценил жизнь...; Давай рассудим с другой стороны* (рассуждать иначе, подойти с другой стороны).

Проведенный анализ убеждает в верности первого читательского восприятия: *Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно*. Грустно и тревожно, прежде всего, от сознания реальности культурной катастрофы, которую моделирует А. Слаповский. В романном пространстве разрушены и утрачены все традиционные понятия, обладающие для русских безусловной культурной ценностью. В разряд забытых переведены слова: РОДИТЕЛИ, МАТЬ, ОТЕЦ (вместо архаизмов предлагается «производственная номенклатура»: *авторство* и *патент*), СТЫД, СТИХИ, ЛЮБОВЬ (*комплекс притягательных чувств и ощущений, возникающих у одного человека по отношению к другому*). Исторического комментария и дефиниции требуют привычные реалии и их словесные эквиваленты: *книга (...такие листы бумаги одинакового формата с напечатанным текстом, собранные под одну обложку)*; *телевизор, молоко, леденец, творог – творожок, сгущенка* (*В одном этом продукте, это густое засахаренное молоко, целая история страны*); *корова, лошадь (...четырёхногое копытное, высокое животное, считавшееся красивым)*. Автор убедительно доказывает, что разрушение культуры связано с «кризисом лексикона», его забвением²¹, а упадок речевой культуры, который начинается с пренебрежения нормами и канонами, имеет страшные последствия. В наибольшей степени деструктивным процессам («перелицовке») подвержена традиционная русская фразеология, которая и есть национальная специфика и основа богатой образной системы языка.

Эпиграф романа – *Настоящему, чтобы обернуться будущим, требуется вчера* (И. Бродский) – в лингвофутурологическом контексте приобретает особое значение: романное «будущее» – это настоя-

²⁰ Пропуск одного из однородных членов идиомы *на грани жизни и смерти* позволяет иначе воспринимать смысл фразеологизма: не «на стыке» жизни и смерти (т.е. в «пограничном состоянии»), а более однозначно и пессимистично – «на краю».

²¹ Люди будущего используют различные «технологии» для «оживления» памяти, но это скорее интеллектуальная забава, ненадежный инструмент (например, эпизод, описывающий ментальные процедуры восстановления слова *стихи* через ассоциативный ряд: *яйцо – курица – перья – писать – поэты – *поэзы –* и мнемоническую поговорку: *Курица кудахчет, но она тиха, когда слышит пение стиха!*).

щее, действующие лица в нем – сегодняшние мы, носители родного языка, со всем комплексом речевых «неумений» и неуверенными коммуникативными навыками. Роман А. Слаповского, несмотря на креативные приемы языковой игры, – серьезное предупреждение о грядущей «экологической» катастрофе в сфере языка, культуры и сознания, призыв преодолеть сегодня речевой хаос и системную «энтропию».

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Пословицы как разряд фразеологизмов (новый подход к старой категории) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Междунар. конгресс исследователей рус. яз.: Тр. и мат-лы. – М., 2010.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб., 2005.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка. – М., 1988.

Щербинина Ю. Море волнуется – раз, море волнуется – два // <http://magazines.russ.ru/volga/2010/1/sh18.html>.

© Исаченко О.М., 2012